

Женя Вайс

Поезд на Иерусалим

16+

Женя Вайс

Поезд на Иерусалим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67069692

SelfPub; 2022

Аннотация

Сборник рассказов о посмертии, Суде и оптимизме. Герои историй – наши современники, необычные обитатели нынешней странной эпохи. Одна черта объединяет их: умение сделать выбор.

Женя Вайс

Поезд на Иерусалим

Луг не вечерний

Бескрайний луг уходил так далеко, что казалось – горизонта больше нет. Даль заволкло синеватой закатной дымкой. Но небо в голубом и золотистом казалось утренним. Это потому, что ночь здесь не наступает. Больше ничего не было, да и не нужно было. Только шелестящие, слегка пряно пахнущие травы и мягкий свет неба над ними.

Матвей, босой и в белой рубахе, стоял на этом лугу, а напротив была его мать, Инна Лукична. Хотя выглядела она лет на 30 с немногим, но ругала его точно такими же словами, как в старости, как в тот день, когда её разбил последний инсульт. "Матвей, – вскрикивала она, – ты посмотри на себя, как ты выглядишь! Ты меня позоришь!". "И перед кем же?" – хотел было спросить он, но тут прикосновение ладони дало ему понять, что они и вправду не одни. Таким лёгким и тёплым оно было, что Матвей понял: нельзя оборачиваться. Он не сможет вынести, не готов к тому глубокому чувству, след которого оставили невесомые пальцы.

– Что скажешь? – прошептал тот, за спиной.

– Наверное, она на самом деле заботится обо мне, когда говорит так – неуверенно ответил Матвей. – О себе, конечно, тоже, но...

– Значит, в ней есть любовь?

– Мы опоздаем на поезд! – взвизгнула Инна Лукична. У неё затряслись руки, и она попыталась скрыть это, одёргивая широкое белое платье. – Нас не возьмут! Это всё ты виноват!

– Мам, тут невозможно опоздать. Тут можно простоять хоть тысячу лет, и всё равно никуда не опоздаешь, – попытался успокоить её Матвей и с удивлением отметил, что раздражение, которое он так привык подавлять или отбрасывать в спорах с ней, больше не душит его. Он вдохнул полной грудью и присел на траву. Найдя рукой податливые молодые колоски, стал их перебирать. Наконец-то больше никакой спешки.

Есть ли в ней любовь? А как узнать-то? Матвей стал вспоминать свою жизнь с матерью. В старости она донимала его жену и подсмеивалась над дочерью. В его одинокие годы... ну, она кормила его ужином. Впрочем, кормят и сторожевую собаку. Детство...

И тут перед глазами Матвея развернулась лента образов. Жизнь его матери прокручивалась с конца к началу, видимая как будто изнутри её души. Сухие и блёклые кадры сменяли друг друга. Их едва расцветчивали страх, злость, зависть и мелкие удовольствия. Но вот пролетели её зрелые годы, студенчество Матвея, его школа – и образы будто пригрелись на раннем весеннем солнце, став живее и сочнее.

"Фу, выбрось эту гадость," – кричит она Матвею, выхватившему из лужи грязный лист. Ей двадцать пять, её маль-

чику три. Не наелся ли он какой-нибудь заразы, пока она отвернулась? Бедовый ребёнок, что, если он заболевает? "Придурок!" – и в это слово пытается вместить всю свою тревогу за него. Но слово убогое и куцее, совсем неподходящее, и вот малыш уже ревёт. Кажется, она отвратительная мать. Это давит и пугает её ещё сильнее. "Хватит реветь!" – вырывается у неё, потому что она не хочет, чтоб он плакал.

Любовь?

"Почему ты никак не уснёшь, что с тобой такое, почему ты так орёшь?". Ей двадцать три, она таскает на руках младенца, а тот вопит во всю глотку. Мучительно хочется спать. И пить. Но она не положит его, пока он не уснёт. Инна трясёт ребёнка, может быть слишком сильно, и крик захлёбывается.

Любовь?

Молодая женщина с трудом открывает глаза. Всё тело болит, а там, где наложили швы, режет и жжёт. Размытая фигура нянечки держит свёрток. Из него видна розовая пуговка носика. Женщина прижимает к себе это крошечное существо, и горячим розовым расцветают в её глазах и палата, и пижама, и даже нянечка становится прекрасной, как розовый куст.

– Стоп, – сказал Матвей. – Да, она меня любила. Мой ответ – да.

Он поднялся с земли, ступил к матери и обнял её.

– Я тебя прощаю. И ты меня прости, что приносил столько хлопот. И что так и не смог успокоить.

– Оправдана, – прошелестело за его спиной.

Фигура рассыпалась золотистыми и розовыми искрами. Они взмыли ввысь, подхваченные как бы ветром и лёгким гулом, похожим на бег далёкого поезда.

А Матвей пошёл дальше. Вдали он увидел ещё одного человека.

Витёк был его одноклассником, терроризировавшим всю школу. Однажды он выбрал мишенью Матвея, и не щадил, пока наконец не переключился на кого-то другого. Витёк был не столько сильным, сколько хитрым, что лишь помогало ему разрушать. Он ставил подножки, подкидывал краденые фломастеры, толкал в спину – ну-ка, кто тебя ударил? Ходили слухи, что его отец был местным авторитетом. Сейчас Витёк, заматеревший к тридцати, пинал траву ногой, недоумевающе и злобно оглядываясь по сторонам. Но выместить чувства было не на чем, кроме самого луга. А тот отвечал ему лишь нежной шелестящей тишиной, мягко поглаживая босые ступни.

Да, это будет подольше и потруднее. Но Матвею некуда спешить. Потому что теперь день никогда, никогда не закончится.

Запрещённый груз

Иван Иванович терпеливо сидел на лавке крошечного одноместного купе, сложив руки на коленях. В его чемодане рылся таможенник. Он доставал то одну вещь, то другую, взвешивал и клал обратно. Чемодан, казалось, был бездонным,

да и проверяющий работал тщательно и не слишком торопился. По сдержанному лицу таможенника Иван Иваныч пытался угадать вердикт, но парень в белой униформе сохранял бесстрастность.

– Я не могу вас пропустить, – наконец сказал он со вздохом, закрывая крышку.

– Но почему?! – в отчаянии выпалил Иван Иваныч. – Посмотрите, у меня там всё хорошо... Сколько добрых дел, посмотрите! – он распахнул чемодан и принялся дрожащим пальцем тыкать в большую опрятную коробку, лежавшую на самом верху. – А вот? – он выудил из-под коробки жестяной ящик-копилку и потряс им. – Пожертвования!

– Хорошо, – вздохнул проверяющий. – Если вы настаиваете, давайте пройдемся по содержимому.

Сначала на стол легло несколько больших стопок бумаги. Среди них Иван Иванович с удовлетворением заметил цветные листы: то были его дипломы и грамоты. Но квалификация пассажира никак не впечатляла проверяющего. Не взглянул он и на несколько опрятно сложенных рубашек, а ведь аккуратность была одной сильных сторон Ивана.

Наконец таможенник извлёк жирный, сочащийся бутерброд. И ещё один. И ещё. От них дурно пахло прогорклостью и плесенью. Ивана передёрнуло от того, что эту гадость юноша берёт, не снимая белоснежных перчаток.

– Согласен, – покладисто поднял ладони Иван Иваныч. – Понимаю. Грешен чревоугодием...

– Где раньше это ваше "грешен" было? – укоризненно спросил таможенник. Его лицо выражало сочувствие и искреннее недоумение.

– Да как бы это... – замялся Иван. – Вроде, даже исповедовался пару раз, но как-то...

А в белой руке уже лежал следующий запрещённый груз: большой хрустальный шар. Таможенник протянул его Ивану. Тот взял и охнул: шар был тяжёлым. В мутной голубизне выпукло и крупно отражалось лицо самого Ивана Ивановича. По неровной поверхности бегали блики. Приютившаяся где-то сбоку фигурка в форме выглядела совсем крошечной. Иван с трудом вернул этот странный сувенир, не отрывая от него глаз. Картина не изменилась: его образ всё так же занимал большую часть сферы.

– Тщеславие, – объяснил таможенник и отложил шар.

– Да где же я мог его взять? Жил, как все, к особым свершениям не стремился... Товарищ, это не моё, – принялся увещевать Иван, – это мне, наверное, подбросили.

– А это тоже подбросили? – ровно спросил служащий, поднимая пухлую пачку каких-то карточек.

– О...

На карточках извивались в бесстыдных позах какие-то дамы. Иван даже не узнавал их в лицо, но спорить с тем, что знаком с этим материалом, не стал. Он попробовал другую тактику:

– Так это же совсем немного... Я их, наверное, случайно

увидел. И вообще потом завязал...

– А какая разница? – последовал ответ. – Вы получили это и сохранили при себе.

– Так давайте их просто выкинем...

– Выкидывать надо было раньше. С чем вы сюда пришли, с тем я вас и проверяю. – Таможенник вздохнул. – Но и это ещё не всё.

Он погрузил руку в чемодан и с усилием поднял. Иван широко раскрыл глаза: из его багажа достали какую-то омерзительную булькающую густую жижу!

– Это... что?

– Это осуждение. Судя по тому, сколько его тут накопилось, вы на всех подряд смотрели свысока. Оценивали и сравнивали. Даже случайных людей на улице... – Иван отшатнулся. – Так ведь было?

– Но я даже не замечал! И слова дурного никому не говорил. Мало ли, что у меня там в голове происходит? Я что, и за этим следить должен?

– Вы должны следить за всем, что проносите в багаже.

– Это вышло по недосмотру, я не виноват...

– Вы носили это с собой. Носили столько лет и даже не попытались избавиться. Вы думали, что можно с таким вот багажом пройти в Город... Смотрите! – проверяющий поднял ладонь, грязь стекала с неё вместе с истлевающими на глазах остатками перчатки. – Вы что, хотите Ему это принести? Или, может быть, вот это? – потряс он карточками с

женщинами.

Иван взглянул в окно. Там колосилось бесконечное море трав. А вдаль виднелись сверкающие башни Небесного Иерусалима. Совсем не похоже на мутные блики на его хрустальном шаре. В стройных очертаниях была торжественность. И одновременно умиротворённость. Он представил, как роняет чемодан на мраморные плиты, заливая их растёкшейся из-под крышки грязью.

– Меня там не ждут, да? – покорно спросил Иван таможенника.

– Вас там ждали. Всю вашу жизнь. И с чем вы собираетесь туда войти после этого? – служащий быстро пошвырял разложенный багаж в чемодан. – Пожалуйста, покиньте вагон.

Покинуть вагон. Это означало, что он остаётся за стенами Города. Это означало конец. Не концовку, не счастливый финал. Конец.

– Послушайте, но как же так можно? Это же навсегда, вы понимаете... Я же совсем не так плох... Почему вы не пожалеете меня, почему вам меня не жаль? – дрожа, лепетал Иван Иваныч, цепляясь за белую униформу.

Проверяющий протянул руку и медленно, осторожно взял Ивана за подбородок. Он смотрел сверху вниз, и Ивану показалось, будто он снова маленький мальчик. Этот белый стоял над ним, словно старший брат, уехавший в далёкую страну и почти забывшийся, но всё ещё бесконечно родной.

– Ты даже не представляешь, – тихо сказал он, – даже не

представляешь, как нам всем жаль.

Мытарство хикки

В темноте мигнула синяя вспышка.

В сердце в такт миганию снова кольнула боль. Раз, другой – и отпустила, оставив онемение, медленно растёкшееся по всему телу.

Индикатор монитора? Разве он выключал компьютер? Хотел просто прилечь, пока не пройдёт. Последняя мысль – вызвать скорую – привела его в такой ужас, что померкло сознание. Он хорошо знал, что во время звонка не сумеет назвать даже собственное нелепое имя. Да что там, в любом разговоре.

Вот и правильно, что не позвонил. Кажется, ему и так неплохо.

Темнота перед глазами понемногу рассеялась, и Семён увидел, что окно неплотно зашторено. Уже утро? Он неприязненно заморгал на просочившийся в его берлогу свет. Этот непрошенный гость беспардонно выхватывал из закоулков весь накопившийся хлам: в основном жестяные банки и бутылки, пакеты от быстрой лапши, чеки. Мятые салфетки. Их было особенно стыдно покупать, даже хуже, чем постоянно одну и ту же самую дешёвую лапшу. Слишком уж быстро они расходились, бессменная кассирша из магазинчика на углу не могла этого не заметить, не объяснишь же ей, что он даже No Nut November прошёл до третьей недели, это просто руки потеют, всё дело в том, что он слишком много потеет,

поэтому без салфеток никак...

Оконному свету было всё равно. Он так же беспощадно и бесстрастно растворял собой привычную темноту комнаты. Чёрный монитор стал матовым, его синий огонёк еле виднелся.

Семён встал и подошёл к окну, чтобы задёрнуть штору плотнее. Двигаться было непривычно легко, как в осознанном сне.

"Странно. Не на первом же этаже живу, а трава до подоконника вымахала". Лето?

Мир снаружи был одет зеленью и умыт солнцем. Изношенные дома, трубы промзоны – все исчезло, как будто растаяло под этим теплом. Лишь стена дома напротив сохранилась, вросла в землю по самый мурал: рыжеватая плитка складывалась в грубоватый контур ангела с воздетыми руками. Семён попытался вспомнить, всегда ли на доме советской постройки изображался ангел, вроде бы что-то другое, и на каком этаже, в конце концов, он всегда жил... но так было даже лучше. Свет играл на блестящей плитке крыльев, хотя палящего солнечного диска не было видно, и Семён понял, что мир стал именно таким, как надо. В нём не осталось ничего, что причинило бы ему боль, и даже свет был так мягок, что не резал привыкшие к полумраку глаза. Да, по такой улице с таким домом он бы гулял хоть целую вечность! По-настоящему, а не вынужденной пробежкой до магазина: потупившись в асфальт, закутавшись в размышления, щурясь

слезящимися глазами на светофор и снова опуская взгляд, проходя к кассе...

"А что мне мешает?"

Вдохнуть свежий воздух, ощутить его кожей, выпустить в себя то ликование, с которым блики прижимались к ангельским рукам...

Семён оглянулся на комнату. Маячок монитора зазывно мигал.

"Навечно покинуть своё сычиное гнездо... Это как же, без интернета-то? Любимые разделы на дваче, ответы в треды, годнота в чатиках..."

Семён снова выглянул наружу. Радостный мир никуда не исчез. От его простой красоты что-то внутри у Семёна протестующие завозилось: так несовместима она была с воспоминанием о ежедневных маленьких удовольствиях.

"Это же шанс, который бывает только раз. Надо решаться. Вдруг опять нормисы набегут и испортят даже такое чудо. Хоть надышусь вдоволь."

Нормисами в представлении Семёна назывались бесчувственные поверхностные обыватели.

"Да. Надо решаться. Сейчас только проверю, что отписали за ночь."

И Семён задёрнул шторы, чтобы лучше видеть монитор.

Уютный гул компьютера был сегодня даже громче обычного. В его треде, где вчера он жаловался на сердце, и прав-

да было много ответов. Странно, что его не смыло... Семён покопался в глубине каталога и не нашёл ему конца. Выходит, треды теперь не удаляются? Он попробовал найти нить с видеонарезками месячной давности – тогда он не сохранил один клипец и жалел ужасно. Есть!

Вот это да! Теперь за пределы двача можно даже не выходить, тонны контента и на всё можно отвечать, спорить, одобрять, троллить и попадать под троллинг, вертеться от обиды на стуле, как на сковородке, наливать безликому собеседнику виртуального чая, играть в "захват карты" и задавать оленю-предсказателю вопросы с подвохом... Всё то же самое, что и раньше, но в огромных, бесконечных объёмах... Накал эмоций привычно обжигал Семёна, когда он отписывал в одно обсуждение за другим, одновременно проглядывая одно смешное видео за другим, или не смешное, если попадался "тёмный" тред – их тоже никто не удалял. Веселье, испуг, отвращение, злость, веселье – Семён раскачивался, как на качелях. Гудел и вибрировал системник, а может, то дрожал он сам, ощущая всё острее, чем обычно.

"И-я, и-я, всё неважно, а я просто мусор" – пел на японском неоновый персонаж, пританцовывая. Это было смешно и круто, нелепые движения со страдальческим лицом среди знакомых символов-отсылок. "Почему бы не быть бессмыслицей до конца своей жизни, неважно?" Нарисованный плоский человечек, размахивая руками, кричал о том, что было близко каждому хикии: бесполезность и стыд посреди

смайликов и котиков, горечь и развлечение в едином сладком коктейле. Семён, словно пьяный, подпевал и хихикал, потому что это всё было про него, смешного и жалкого. Он смеялся взахлёб и не мог остановиться, как в тот день, когда его впервые и назвали полудурком. Смех щекотался внутри до боли, разрывал его на части, гудел и жёгся, и вдруг Семён понял, что на этот раз распадается совсем, догорает до пепла.

Он задрогал ногами, как лягушка, и пнул системник. Тот перевернулся, дёрнул шнур питания – монитор погас. Задышавшись, с текущими по лицу слезами, Семён свалился со стула и пополз к окну, давясь пылью и колючими крошками.

Мир за шторами не изменился. Невысокую стену не испоганили закладчики, трава стояла непримятой. Его совершенство было непоколебимо – так непохоже на расшатанное нутро Семёна...

Нет, этот мир не рассыпется ни от его прикосновения, ни от чьего-то то ещё! Может, под невидимым ласковым солнцем растает он сам, как исчезли городские кварталы. Но прежде хотя бы дотронется до этой травы, более живой, чем он сам за всё существование.

Семён не исчез. Он полежал ничком на зелёном ковре, прислушиваясь, не разверзнется ли под ним земля. Но ничего плохого не происходило. Когда он встал, трава сомкнулась за ним. Тогда он пошёл к стене напротив, и шагать было легко, и поднимать глаза было не страшно.

Стена принадлежала небольшому зданию, за которым обнаружился перрон. Линия рельс проходила из бесконечности в бесконечность.

Семён присел на скамью и принялся разглядывать окна станции, где не было стёкол, а только виделись белые короткие занавески. Из одного окна высунулся человек в белой фуражке и приветливо махнул рукой.

– Извините, – сказал Семён, потому что все остальные слова не укладывались в здешний порядок вещей. Или нынешний.

Фуражка одобрительно кивнула и пропала. Затем служащий в белом появился из не приметной двери где-то позади здания.

– Ваш билет, – сказал он, подходя к Семёну и протягивая такой же белый листок. – Хорошо, что вы без багажа, так сказать, налегке.

Семён кивнул. Сейчас ему казалось, что он не наружу вышел, а, наоборот, вернулся из внешнего и чужого пространства туда, где ему самое место. Он вытянул ноги и, в ожидании поезда, стал глядеть вверх и вдаль, где неизменный занимающийся день перетекал в розовый отблеск. Он улыбался.

Вечные ценности

Конец света застал Марусю в магазине.

Разве не приятнее было бы встретить этот миг в парке или театре? Наверное. Но так уж вышло. Маруся зашла сюда из

чистого любопытства. Большой такой гипермаркет за чертой города, вдруг там что-то редкое и полезное имеется? Через остановку от него – монастырь. Туда-то Маруся и собиралась на самом деле. Да вот не успела. Слишком быстро случился конец света.

Девушка неуверенно оглянулась, но увидела только стеклянную дверь. За ней был сплошной свет и ничего интересного.

Тогда она отправилась изучать недра гипермаркета.

Конечно, Маруся не увлекалась этим, как его, шопингом. Ну как можно серьёзно относиться к людям, которые скупают безделушки и лакомства, как будто в этом смысл жизни? Таких субъектов хочется разве что пожалеть. А охотницы за модной одеждой... Всерьёз тратят время и силы на беготню за новыми коллекциями того, что сами же и называют «тряпьем». Тлен и суета, как говорится.

Поэтому она сразу принялась искать отдел товаров для дома или какую-нибудь заваливающую мебельную галерею.

Холодный свет потолочных ламп вежливо подмигивал. Проходя мимо бесконечных полок, Маруся негодовала. Какие неухоженные! Товары валялись как попало. Ценники то отсутствовали, то неразборчиво обозначали что-то вроде скидки: к числам приписан был жирный минус. Впрочем, сами вещи оказались хороши. Маруся остановилась у скатертей. Узоры так и притягивали взгляд – ну, оторваться невоз-

можно! Да и производитель, кажется, наш.

Она потянула один пакет, другой. Наконец, подобрала себе одну... И вдруг с ужасом поняла, что у неё нет денег.

Нет денег!

Маруся огляделась. Высокие стеллажи нависали над ней, едва не смыкаясь над головой. Полотенца, салфетки, покрывала... Натуральные ткани, благородное изящество, со вкусом выполненный рисунок...

И ничего из этого она не могла заполучить.

Может, заваялось хоть пару купюр? Она пошарила по карманам – пусто. Тогда Маруся полезла в чемодан. Откуда взялся чемодан? Наверное, всё время был при ней. Очень подходящий для неё, между прочим: кожаный, обитый скобами. Не что-нибудь! Вот только старинные латунные замки заклинило. Маруся расстроено дёрнула свой баул за ручку и поволокла его в проход. «Ну и ладно, – думала она, – буду просто ходить и смотреть ассортимент. Тоже дело».

– Вам чем-нибудь помочь? – окликнул её приятный голос. Из-за стенда с мочалками вышел некто в опрятной белой униформе.

Вообще-то Маруся собиралась привычно бросить «нет, спасибо», но вместо этого раздражённо сказала:

– Могли бы и привести тут всё в порядок. Это ваша работа, вообще-то.

Незнакомец не обиделся. Более того, он лучезарно улыбнулся и развёл руками. По залу разнёсся свежий травяной

аромат.

– Что вы! Я не работаю на... вот это. Так вы позволите помочь вам? – он продолжал обращаться к Марусе со всё той же непринуждённой вежливостью. И это после того, как она его оскорбила! Совершенно сбитая с толку, девушка махнула рукой:

– Нет, что вы, я... Мне ничего не нужно, спасибо! Я просто смотрю, выбираю...

С этими словами Маруся поспешно отступила в лабиринт проходов. Стеллажи сомкнулись за спиной, и блистательный посетитель исчез из виду.

Её неожиданно окружили нагромождения из ящичков строительной фурнитуры. Десятки сортов саморезов не заинтересовали Марусю, но где они – там рядом и мебель. Девушка уверенно зашагала вперёд. На повороте зацепила чемоданом какого-то типчика в мохнатой дохе. Тот уронил коробок и тут же принялся распахивать по карманам рассыпавшиеся винтики.

Тут уж Марусе и в голову не пришло смолчать. Полная негодования, она выкрикнула:

– А ну верни на место! Сейчас охрану позову!

Воришка поднял голову и оскалил мелкие зубки в ухмылке. Был он похож на стареющего рябого фавна – вот-вот среди скомканных кудрей покажутся рожки.

– Охраны-то нет, красавица. Бери, что хошь.

– А мне, – заявила Маруся, – классическое воспитание не позволяет.

– Ну и лохушка же ты, Марфа, – неожиданно обиделся мохнатый и вернулся к своему занятию. Но теперь косил на Марусю через плечо. Испытующе так, словно измерить пытался.

– Ни стыда, ни совести, – пробормотала она, немного испугавшись, и быстренько отступила в боковой проход.

Недоумение – откуда это он знает её имя? – вспыхнуло и прошло. Затерялось, как затерялся среди разросшихся полок обратный путь. Маруся брела, сама не зная куда. Чемодан волочился за ней тяжёлой тенью.

В конце концов, она вынырнула в ещё одном неинтересном месте: в отделе товаров для волос. Впрочем... Нет ли тут какого-нибудь натурального шампуня на сибирских травах? Направляясь к следующему перекрёстку, Маруся прошла мимо какой-то девушки с рюкзаком, в штанах и короткой юбке одновременно. Эта особа выбирала себе краску для волос. При этом вся голова у неё была выбрита. Поминутно девица прикладывала к лицу очередную упаковку и гляделась в небольшое ручное зеркальце.

– Я не отражаюсь. Меня нет. Кто я? – бормотала она, отбрасывая коробку и хватаясь за новую.

Маруся отвернулась от этого жалкого существа и вроде бы спокойно пошла себе мимо, как поступала всегда, но вдруг

услышала собственный голос:

– Ох уж эти бесполезные пустые существа! Тратите деньги и время на внешнее, и как только не стыдно!

Маруся в ужасе затиснула рот ладонью – не помогло! Теперь с её губ слетали совсем уже неприличные грубости:

– Я вообще считаю, что такие, как ты – это люди второго сорта. Никогда не говорю, но уж в глубине души именно так и мыслю. Вечно вам нужны какие-то побрякушки, а кто не поклоняется им, того вы презираете. Не то, что я – духовно свободный человек, я, сумевшая подчинить свою жизнь высшему порядку! И откуда у вас водятся лишние деньги? Вы их даже не заслуживаете, с таким-то выбором расходов. Не представляю, как тебя земля носила!

Обритая девица подняла голову и посмотрела пустым взглядом. Тут же её лицо исказилось в бешеном крике:

– Не смотри на меня! Я уродлива, ужасна, я чудовище! Нет, я вовсе не существую!

Вид её мучений словно перекрыл в Марусе поток осуждений. Уж страдание-то всегда вызывало в ней одну лишь жалость, кто бы перед ней ни был.

– Я не хотела... Ничего подобного я не хотела сказать... То есть да, да, я подумала что-то такое, конечно, но... Извините, простите!

Подхватив чемодан, Маруся спешно ретировалась. Девица за её спиной обессиленно упала на пол, бормоча:

– Не отражаюсь – следовательно, не существую...

«Как-то нехорошо тут, не по-человечески всё устроено», – думала Маруся, сбегая. «Как я вообще сюда забрела?»

Она не могла вспомнить.

«Кажется, мне надо было куда-то ехать. Вот и багаж... Но который час? А что...» – тут она приостановилась и ахнула от испуга.

«Что, если я уже опоздала?»

– Ничего, – принялась успокаивать она себя вслух. – Ничего, надо только найти, где тут выход. Я же совсем недолго тут пробыла, ничего страшного. Надо попросить того белого господина... Он такой вежливый, он согласится проводить. Он-то наверняка знает, где у них выход...

Она изо всех сил потянула ручку чемодана и поволокла его за собой. Маруся пыталась найти дорогу обратно, но на пути встречались только незнакомые отделы. Вот её окружили керамические цветочные горшки, так напоминавшие об уюте и заботе. Как было бы приятно рассадить в каждый по цветку, по утрам поливать растения тёплой и чистой водой, никуда не торопясь... Потом сесть у окна в сени льняных занавесок. Взять чашку чая и блюдечко варенья, а к нему – ломоть домашнего душистого хлеба, испеченного собственными руками... Лишь такая жизнь и заслуживает называться жизнью!

Тут же горшки сменились рядами чашек и блюдец. Рядом возникла дощатая стоечка с полотняными мешочками:

«Иван-чай».

«Здесь всё такое настоящее», – бормотала Маруся. Она не обращала уже внимания ни на москитно зудящие лампы, ни на туманную полутьму, что смывала ряды товаров, стоило отойти от них. Маруся уже никуда не торопилась. Здесь было всё, что ей нужно. Даже хлеб. Настоящий, не заводской – крестьянский. Хлебушек насущный.

– Из печи... Подовый... Бездрожжевой на хмелю и меду... Мука для нашей выпечки перемолота на каменных жерновах... – читала Маруся на обёртках батонов и упивалась этими словами. И это, между прочим, были бумажные обёртки, а не дрянная плёнка.

– Прошу прощения! – донеслось откуда-то издалека. Маруся не обратила внимания. Она уже входила в выставочный зал, неожиданно открывшийся ей среди услужливо отступивших стеллажей.

Этот небольшой зал представлял собой комнату.

Изящная, из цельного массива мебель расположилась полукругом. Вот тёмный высокий буфет: его открытые полки утопали в причудливых сплетениях резных листьев, но ещё больше вкуса было в инкрустированных вставках на дверцах. Обеденный стол покрывала тонкая льняная скатерть. Её нарочитая простота, её умеренная грубость лишь подчёркивала изысканность тканых салфеток с золотистой нитью.

Ножки стульев и банкеток – о да, банкеток! – были подобны миниатюрным стройным колоннам. Маруся осторожно подошла и провела пальцем по обивке. Неброский рисунок, на первый взгляд – одноцветные полосы; лишь тот, кто знает толк в качестве, заметит в них мелкий узор и пёструю плотную нить.

«Жаккард», – прошептала она с благоговением, как будто встретила небывалое чудо.

С замиранием сердца она приблизилась к буфету. На полке среди чернёных глиняных мисок красовалось большое блюдо с рисунком. Яркие треугольники скоморошьей расцветки щетинились по кайме солнечными лучами. А посередине... Посередине среди багряных бутонов дремала священная русская птица Сири́н. Крылатая дева с мудрым и хитрым прищуром.

– Ба-атюшки, – прошептала Маруся. – это же северодвинская роспись.

Сколько она мечтала о такой посудинке! Именно в поисках таких вещей она лет с пятнадцати перебирала каталоги. Именно ради такой находки она, вместо прогулки в парке или похода в театр, выезжала на ярмарки или забиралась на другой конец города.

Наконец-то ей в руки попала настоящая аутентичная этника. И надо же такому случиться, что именно сейчас у неё нет денег!

Маруся поискала глазами ценник, но не нашла его.

«Наверное, выставочный образец», – подумала она. «Их всё равно продают потом с большой скидкой».

Она вспомнила, что так ни разу не видела здесь ни касс, ни охраны. Вспомнила и того, мохнатого, с карманами. Он говорил, что охраны нет и что можно брать...

Может, магазин просто заброшен? Тогда всю эту красоту в любом случае разнесут. Куда лучше будет, если эта вещь окажется у человека, умеющего оценить её по достоинству.

«Если найду кассу», – думала Маруся, выбираясь из зала, – «попрошу придержать или, так и быть, оформлю кредит. Ну правда! А если нет... Тогда, значит, тут уже всё ничейное.»

– Прошу прощения! – вновь раздался голос, настойчивый и... какой-то знакомый. Маруся озадаченно прислушалась. Где-то она его уже слышала. Совсем недавно, может быть, даже сегодня. Но кто?

– Кто вы?

– Прошу прощения, что не могу показаться. Вы отгородились такой стеной из форм и предметов... Разрешите поинтересоваться, отчего Вы так любите традицию?

Что за вопрос! Тут Маруся всегда готова была ответить с чувством.

– Традиция защищает сложность культуры от вымирания. Стоит утратить её, и мы становимся беззащитны перед слабостью человеческого ума, который всё норовит выхолостить и низвести. Традиция подобна посоху, обвитому вино-

градной лозой: без него она бы бессильно пала. Это верно, что великий русский святой сказал: «где просто, там Ангелов со сто». Но что было в те времена простым? Крестьянский дом! А сейчас, вы представляете вообще, сколько сейчас стоит обставить такой, казалось бы, простой дом? Простота тех лет превратилась в роскошь. Вся эта скандинавская мода, все эти технологичные решения из стружечной плиты, прицепленной на газовый лифт, силится имитировать её и не может. Пресная штамповка, она проще самой простоты! Как жить в ней, когда ты аристократ духа, когда она просто не для тебя! – Маруся поняла, что негодование отвлекло её от вопроса. – Итак, традиция хранит вечные ценности исконных времён, когда людское сознание было пусть и более дремучим и грубым, но лишено хаотичности нашей эпохи, века сего. Думаю, этого с головой достаточно, чтобы любить её и беречь хотя бы вокруг себя.

– Это, безусловно, верные слова! – невидимый собеседник оживился. – Но почему вы ищете всего этого только в форме, но не в сути вещей? Ведь способность воспринимать суть, – тут голос стал сочувственным, – один из тех даров, что даётся верным щедро и безоглядно. А вы как-то пренебрегли им... Знаете, ваш багаж сейчас мог бы быть куда легче, будь этот дар при вас!

«Багаж. Я куда-то...» – вспомнила было Маруся, но не подумала. Куда важнее сейчас было защитить свой идеал. Она вздёрнула подбородок и размеренно начала:

– Форма не исключает сути, а дополняет её. Сыграть мелодию так, чтобы увлечь и тронуть слушателя, на фальшивом инструменте не выйдет. Картина завершена, лишь когда поставлена в раму, и обрамление это должно соответствовать стилю и содержанию. Нелепая рама картину неизбежно портит, сколько ни вложи мастерства в живопись. Благородная суть способна удержаться лишь в соответствующем внешнем воплощении. Иначе как передать её вовне? Убогая форма просто-напросто теряет своё содержание. Истинные ценности должны быть совершенны в обоих аспектах.

– Я в целом согласен с вами, но должен заметить, что всё имеет свою цену, – грустно сказал голос. – Увы, есть предел у размеров багажа человеческого. Не всё, что люди считают при жизни верным и достойным, удаётся им втиснуть в свой чемодан. Многие в итоге довольствуются рамой без картины... Кроме того, – добавил он, – вспомните, что есть такая Суть, которую никакая форма полностью передать не может.

– Да, – быстро сказала Маруся. – Да, конечно, помню. То есть... Имею некоторое представление. Ну и что вы хотите сказать? Вы сказали, что я всё-таки права. К чему же тогда все эти придирки?

– Не задумывались ли вы, что другие люди, непохожие на вас, имеют столь же прочные основания для своих... скажем, нелицеприятных по вашему мнению поступков?

– Да, вероятно, – рассеянно ответила Маруся. Ей хотелось

побыстрее закончить этот разговор. Расписное блюдо так и жгло ей руки.

Вдруг она обнаружила, что уже уходит прочь из мебельного зала. Идти было труднее обычного: новая ноша вдобавок к её привычному чемодану оказалась неожиданно тяжёлой. Какая всё-таки очаровательная вещица! Как здорово будет... Тут мысли Маруси спутались на миг.

Как здорово будет... Да, поставить это блюдо дома, куда-нибудь на кухне. Сколько уюта и одухотворённости оно привнесёт в её дом, когда...

Маруся остановилась. Её рука машинально разжалась. Блюдо выпало и укатилось куда-то далеко назад.

Ведь нет больше никакого дома. Негде и не для кого собирать вечные ценности.

Она уселась на чемодан и зарыдала так беспомощно и бесслёзно, как способна только затерявшаяся душа. И плакала так долго, как можно только в безвременье.

– Меня... не существует... – послышалось издалека.

Маруся вскочила, схватила чемодан за ручку и потащила на голос.

Та, обрিতая и с рюкзаком, теперь перебирала коробочки и флакончики на стеллажах косметики, то и дело глядясь в зеркальце. Вот она открыла сиреневую помаду, мазнула... След тут же выцвел. «Блин», – пробормотала деваха и швыр-

нула бесполезный тубик на пол, где уже валялось с десятков других. Снова принялась рыться, открывать, пробовать, выбрасывать...

Соседний ряд, с кремами для ухода, оставался нетронутым.

– Что за варварство! – вырвалось у Маруси. Обритая посмотрела на неё пустым взглядом и вдруг попятилась:

– Не смотри на меня...

– Нет уж! Говоришь, ты не существуешь? Вот и не угадала! – Маруся подбежала к девушке и тряхнула её за плечи. Отступила, взглянула. – Ты ростом выше среднего, худая, но с широкими ногами, – ткнула её пальцем, – и живот дрябловат. Обычная, короче, фигура. Та-ак... Лицо у тебя вытянутое, а голова вовсе лысая, но волосы, видно, были светлые. Глаза зелёные и в бледных ресницах, нос прямой, а на подбородке след оспины. Не красавица и не уродина, обычная девчонка. Только вот дырки от пирсинга на брови остались. Сейчас ты сосредоточенно хмуришься и щуришься на один глаз, поджав губы. Да, ещё у губ и глаз вижу складки. Как их там, мимические морщины? Короче, темпераментная ты особа, – заключила Маруся. – Вот и всё, не нужно тебе никакое зеркало!

Девушка медленно разжала ладонь.

– Да, я существую, – проговорила она. – Обычная. Такая, какая есть. Я, Маша.

Зеркальце выскользнуло из её пальцев и укатилось ку-

да-то далеко назад. Маруся проследила за ним взглядом и вдруг заметила, как вытянулся проход. Теперь он уходил так далеко, что стал похож на тоннель, и в глубине его уже не было ни товаров, ни синюшных ламп. Но нечто там всё-таки было. Марусе стало жутко...

– Не смотри туда! – голос вырвал её из оцепенения. Маша тянула Марусю за руку.

– Валим, валим!

– У тебя и правда светлые волосы... О, и бровь заросла, – удивилась было та, и вдруг споткнулась о собственный чемодан. Маруся отшвырнула его пинком.

Странное дело: от удара тугие защёлки распахнулись сами. Из-под крышки хлестнула мутная мерзость, колыхнулась волной и вязко, лениво закрутилась по стенкам надвигающегося тоннеля.

А ещё из чемодана выпал расшитый бисером кошелёчек, на удивление чистенький и такой славный.

– Вот ты где! – и Маруся схватила вещицу, успев утащить её из-под самой волны. Маша же вцепилась в неё саму и поволокла за собой.

Они бежали на удивление быстро, и скоро пугающий бесконечный коридор за ними исчез. Вместо него вокруг выросли стеллажи, до потолка заваленные каким-то хламом. В этом глухом закутке не хватало освещения, и груды барахла,

казалось, всё росли и росли...

– Так, стояночка.

Маша сбросила рюкзак на пол.

– Такое со мной уже точно приключалось, – рассказывала она Марусе, будто старой знакомой, расстёгивая рюкзак и засовывая туда руки по локоть. – Только не в таком виде, как сейчас, конечно. Как бы в переносном смысле. Ух, да где там эта байда? Вечно теряю, вечно!

Наконец она извлекла здоровенный бинокль. С сомнением взглянула на рюкзак, немного поколебалась и одним ударом отфутболила его куда-то под полку.

– По-другому никак, – сообщила она раздосадованно и с прищуром зыркнула ему вслед. – Или ты его одним махом выкидываешь или он тебя постепенно задавит. Типа, отсечь руку.

У бинокля оказались большие, по-хрустальному искристые стёкла. Да и сам он был какой-то прозрачный и лёгкий, как будто отлитый из воды.

– Какой хорошенький!

– Это мне подарили, – ответила Маша. – Удалось как-то сберечь. Только вот куда чаще я таскалась с тем дурацким зеркальцем. У меня, это... С внешней стороны вещей всегда проблемы были... О, смотри! Я его вижу!

– Кого, кого? – заволновалась Маруся. – Белого?

Маша протянула ей бинокль.

В его окулярах все преграды исчезли, и Маруся увидела белого господина. Был он лицом необычайно кроток – такого у человека и не увидишь. Волосы длинные, но не слишком, а на голове не то фуражка, не то лента. Не разберёшь в таком странном освещении! Казалось, вышколенный офицер притворился служащим-железнодорожником: внешне прост, да только осанка сразу же выдаёт благородство.

«Суть», – вспомнила Маруся. «И форма.»

– Офигенно, – прошептала Маша. – Хотя нет, про него так не скажешь. Он хоть и друг, но не... не знаю, как сказать.

– Бесподобно, – подсказала Маруся таким же восхищённым шёпотом. – Он – друг горний, превыше земного.

– Горний, точно. Зашибись, так теперь и буду говорить. Но как до него добраться?

«Вам чем-нибудь помочь?» – вспомнила Маруся, и закричала:

– Помогите! Прошу, помогите нам!

Господин в белом оглянулся. В тот же миг стеллаж, вставший между ним и девушками, рассыпался, будто не бывало.

– Добро пожаловать! – радушно сказал белый провожатый очень знакомым голосом. Он повёл рукой, и Маруся увидела, что они уже стоят у самых входных дверей. А позади...

Позади в гаснущем полусвете холодных ламп исчезал привычный старый мир. Мобильные телефоны и сосиски. Бомбочки для ванн и пергамент для выпечки. Больше нельзя бу-

дет ни раздобыть, ни подобрать, ни приобрести. И вещи, и слова безвозвратно и неумолимо уходили навсегда.

– Как же мы теперь будем? – жалобно протянули обе девушки.

– Вы тоже будете навсегда, – радушный провожатый улыбнулся. – Не бойтесь! Вам довольно будет ваших даров. Пока доберёмся до места, вам и новые дома приготовят. О, теперь всё станет по-новому... Не всем там было бы хорошо. Но вы именно из тех, кому Город понравится.

– наших даров... – повторила Маруся. Она посмотрела на свой кошелёчек. Бисеринки переливались нежным жемчугом. Маруся щёлкнула застёжкой. Внутри, обнятый шёлковой подкладкой, лежал билетик. Простой листочек с очень светлым узорным кантом, будто белое на белом. Значит, она всё ещё может уехать... Тут она заметила в складках шёлка ещё кое-что.

Маленькая, с пол-ладони книжечка, отпечатанная на простой глянцевой бумаге. Из такой делали в былом мире бросовые рекламные листовки с пластиковым блеском. То была её первая книжечка молитв. Когда-то Маруся каждую ночь перед сном прижимала её к сердцу.

А впереди была дверь.

И ничего лишнего за ней.

Последний же враг истребится

Его странность заметили, когда он был совсем маленьким.

Янчик слишком уж любил разрушать. Соберёт пирамидку или устроит башенку из песка – и на тебе, всё разметает, а потом усядется рыдать. Или растопчет жука. Задержит ногу над ним, осторожно приблизит... Вдруг – шмяк! И снова в слёзы. «Агрессия, асоциальность, он же мучителем вырастет», – в ужасе шептала мать и перебирала номера врачей в записной книжке. Мама ошибалась. Ян был не агрессивен, а перепуган. Больше всего мучился он сам.

От чувства тления всего живого, то и дело подступавшего к горлу. От тяжёлой тьмы, большей, чем потолок. От ускользавшего и растворяющегося в этой тьме образа самого себя.

От Врага.

Наиболее явственно Враг открывался в метро. Когда это впервые случилось, Яну было года четыре. Мать впервые повела его в подземку, весело рассказывая что-то про бабушку и торт. Золотые колонны, мозаики во всю стену... Ян в изумлении раскрывал рот, задирая голову и тараща глазёнки на всё это великолепие. Но потом они подошли к перрону.

Блистательная сказочная пещера оказалась смертельно ранена чёрным разломом. В беспощадном зиянии туннеля Ян всей душой услышал приговор:

«Любую красоту могу исказить, и любая жизнь подвергнется тлению, и никто не уйдёт от Меня».

На самое страшное человек отвечает либо ступором, либо

криком. Ян заорал.

– Янчик, зайчик, ты чего?

– А-а-а-а!

– Ян, а ну прекрати немедленно. Пре-кра-ти! Ты что, сдурел? Ты сдурел, я тебя спрашиваю? Будешь орать – сейчас же дяде охраннику тебя отдам.

– А-а-а-а-а-а!

– Вон дядя на нас смотрит, Ян, Янчик, ну перестань, маленький, ну чего ты...

– У-у-у-у-у!

Потом его, ослабевшего от слёз и воплей, всё-таки затащили в вагон. Дальше он ничего не помнил. До сих пор мирные детские дни Яна, уютные от неизменности, наполнялись объятьями света и мамы. Теперь в них вторгся Враг. И остался.

И не обманул.

Всё, что Ян считал нерушимым, исказилось. Окно над его кроваткой становилось то противным и жгучим, то бесцветным, как кисель. Тесная мамина любовь отодвинулась, затмилась непониманием и наказаниями. У некогда бодрой бабушки помутнели глаза и заостенели ноги. Его обычная возня с конструктором и машинками на ковре в гостиной превращалась в побоище, стоило ему потерять самообладание.

Случалось это часто. Сначала настроение просто превра-

щалось в скисший компот. Это Враг подкрадывался всё ближе, словно Шрам к Муфасе. Его дыхание окутывало сердце едким облаком. Тогда всё вокруг казалось прогнившим, и Ян, в ужасе от самого себя, довершал дело. Пытался остановиться, честное слово! Не мог. Да и зачем, если всеобщая гибель неизбежна?

Всё же, хоть противник был неназываем и огромен, Ян не собирался сдаваться. Он изо всех сил отстаивал свой тающий клочок покоя и беззлобности. Постоянно искал, что же или кто же поможет ему себя защитить. Безуспешно. Не мама. Не соседская семья. Не тётя в магазине. Не доктор. Не другая докторша, которая нерво...невро...

Впрочем, в кабинете у «нерво» было уютно, и Ян ненадолго успокаивался. Он любил приходить в эту белую, чистую комнату, тем более, что добрая женщина с длинными и лоснящимися, как у феи, волосами давала подержать игрушки с полки, пока махала перед его носом блестящим молоточком. Там-то и нашлись Спайдер с Бэтом. Ян по мультикам более-менее знал, что они супергерои. То есть спасители, защитники. Вот оно! Благодаря им тут было безопасно.

Да, эти brave ребята уж точно сталкивались со Врагом! Их лица навсегда перекошил крик, словно у солдата, кидающегося в последний безнадежный бой, но ещё не побеждённого. Страшный момент, но застывший, никогда не достигающий фатального конца. Грань. Искажены, но не сломлены.

Яна это заворожило.

Докторша-фея внимательно следила, как он заглядывал в глаза пластмассовым фигуркам, бросив ёрзать по кушетке. В конце концов она предложила подарить их, но Ян в испуге отказался. Нельзя было позволить доброй тётке остаться без прикрытия. Вместо этого он затащил маму на рынок, и там, после небольшого скандала насчёт злобных современных мультяшек, ему купили таких же.

Ян пытался перенять от Спайдера и Бэта бойцовскую хватку. Самым главным в этом деле ему казались их лица. Он держал своих приятелей под рукой, чтобы – когда накатит муторный дух – сделать такую же отважную гримасу. Волна отступала, подступала вновь... Когда Ян стал ходить в школу, Вражья осада повисла на нём ярмом. Приходилось корчить рожи прямо на уроке, пугая одноклассников. Никто не хотел с ним дружить, бывали насмешки. Но Яну было всё равно: он ведь защищал их таким образом от Врага! Возвращаясь домой, он ужасно хотел отдохнуть и поиграть. Голова становилась как воздушный шарик, куда потихоньку, понемногу просачивался ядовитый газ.

Тогда он не выдерживал.

Тогда пластиковые бойцы в его руках, потеряв самообладание, шли разрушать. Валить стены. Отрывать головы и руки, колёса и кабины. Только когда ни одной целой игрушки не оставалось, наваждение отступало. Ян оставался один

над своим поверженным царством, пристыженный и растерянный. Тогда он ненавидел за слабость двоих защитников, но ещё больше – себя: ведь были-то они в его руках! А насытившийся Враг довольно ворчал где-то поблизости, готовя новый удар.

В конце концов Янова мать, устав от причуд сына и беспомощности врачей, повела его после школы не домой, а в совсем другое место. Они долго ловили попутку у дороги, пока пятничный день серел и тускнел, и, наконец, остановили желтушный запорожец. Глазастая машина понравилась Яну, но внутри оказалось душно и тошно. Наконец мать вытащила его, полусонного, на незнакомую улицу.

– Всё, добрались. Прячь своих дураков пластмассовых и веди себя радибога смирно.

Ян очень нехотя уложил охранников в рюкзачок: когда мама говорила так строго, выбора не оставалось. Он не успел спросить, что такое «радибога», потому что увидел перед собой удивительный дом.

У дома было сразу две крыши. Остроконечная, как у чудесной башни замка фей, и округлая, похожая то ли на богатырский шлем, то ли на верхушку дворца в «Аладдине».

Внутри здание оказалось ещё более диковинным: все стены в узорах и рисунках, а в глубине этого длинного зала гроздилась череда картин. Над ними висело золотое солнце. Вместо лампочек в полутьме горели свечи. От них тянуло

воском и теплом.

– Их тут, наверное, тысяча, да, мам? Тысяча свечей! – зашептал Ян, раздувая от восторга щёки.

– Да, Янчик, це-елая тысяча, – рассеянно ответила мать. Они всё стояли на пороге, и Ян понял, что мама сейчас точно так же не понимает, что с ними тут будет дальше.

Тогда он стал разглядывать разукрашенные стены. На них крылатые люди с ласковыми глазами, словно живые, взмывали вверх, а наверху...

Под сводом сгрудились облака. Из них на Яна смотрел кто-то очень большой и величественный. «Волшебник,» – решил Ян. – «Самый главный волшебник». И тут же понял, что это совсем не то слово. Но более подходящего не было. Был страх – но не как перед Врагом, а... Как перед директрисой в школе? Был стыд, но не мучительный... Какой? Обескураженный и смущённый, Ян опустил голову и старательно устоял на свои ботинки.

Удивительно, но здешняя красота не знала прикосновения Врага. Оставалась выше этого.

– Вам что-нибудь подсказать? – раздался высокий старушечий голос. Обладательница этого надтреснутого голоса едва была видна за окнами небольшой будочки в стороне от входа. Ларёк внутри дома! Ну и дела!

– Да, помогите нам, пожалуйста.

Мать решительно двинулась к будочке. Ян бежал за ней чуть ли не вприпрыжку.

– Мальчик нервный, агрессивный. Задирается. Игры у него ненормальные. Всё разносит, – доверительно шептала мать в стеклянное окошко. – Врачи ничего понять не могут. Вы ему дайте что-нибудь... Я не знаю. Я не ориентируюсь. Но вы ему, пожалуйста, что-нибудь подберите.

– А вот пускай он сам и подберёт. Возьмите там, в уголке, табуреточку. Залезай, мальчик. Сейчас будешь себе выбирать охранителя святого.

Из сухоньких рук на прилавке появлялись один за одним маленькие картинки, наклеенные на дощечки. Они едва походили на те, со стен. Узкие лица мужчин и женщин были нарисованы очень просто, но оттого казались лишь более таинственными.

И всё же ни старики с книгами, ни дамы в накидках не заинтересовали его. Потому что среди них был настоящий воин в латах. Он стоял посреди зелёного поля с копьём в одной руке и щитом в другой и спокойно смотрел вдаль. Вот. Это точно охранитель.

– Этот? Уверен? – засомневалась мать. – А кто это? Давай, может, кого-то посерьёзнее, постарше. Вот, смотри, какой дядька. На витязя похож, да, зайчик?

– Это, мамочка, Николай Угодник. Это большой проситель за людей, сильный наш защитник. – затрещала старушка из будки. – Можно сказать, что и витязь.

– О! – обрадовалась мама. – Сильный – это то, что нужно.

– Но я хочу этого... – хныкнул Ян, указывая на копыеносца.

Надо было убедить маму. Он попытался вложить в свои слова всё величие незнакомого воина, всю обетованность земля за его плечами...

– У него оружие, он крутой.

Мать сделала брови домиком и дёрнула его за рукав:

– Янчик, это несерьёзно!

– Как, вы сказали, вашего мальчика зовут?

– Ян. Иоанном крестили.

– А это – святой Иоанн Воин. Смотрите-ка, он всё правильно выбирает, мамочка, он умный мальчик, чуткий, да, Янчик? Берите, берите. Он тебя, Яничек, будет защищать.

Мать стиснула губы и достала кошелек. Уже отдав деньги и застёгивая сумку, буркнула:

– Ненормальный он, а не чуткий.

– Зря вы это, мамочка, всяк на свой лад ненормальный, семья тли в каждом есть, а на ребёнка не надо наговаривать, даст Бог, выправится, – мурлыкала старушка, поплотней заворачивая дощечку с картинкой в кулёчек.

Вечером, отправляясь в постель, Ян привычно взял с собой Спайдера и Бэта. Подумал и присоединил к этой компании нового друга. Улёгся на бок и принялся в свете ночника разглядывать картинку.

Копьеносец не вопил и не кривлялся. Он смотрел на незримую опасность спокойно, но не легкомысленно. Сосредоточенные глубокие глаза. Ян смотрел в них долго-долго, как будто в чём-то клялся. Потом сунул дощечку под самую середину подушки и накрепко уснул, окутанный сладкой дымкой. Наутро он проснулся бодрым и весёлым, и всю субботу собирал из лего всякую всячину.

Он перестал носить с собой игрушки и корчить рожи. Он перестал доставлять хлопоты. Кроме одной: отказывался коротко стричься под машинку, требовал полубокс. Он старался смотреть на мир сосредоточенно, широко распахивая глаза – и постепенно научился.

Каждое утро он доставал из-под подушки портрет Воина, говорил ему: «Здравствуй, друг!» и бежал глядеться в зеркало, чтобы сверить лицо с ликом. Ставил на письменный стол: дожидаться вечера. На ночь снова укладывал под подушку.

Образ Врага отступил, и Ян запретил себе воскрешать его в памяти. Но он не забыл, через что прошёл. Ян никогда не дразнил бомжей или городских безумцев, как другие мальчишки. Он знал, что мог бы и сам оказаться на их месте. Более того, он подозревал, что совсем рядом находятся некоторые из тех, кто не сумел легко отделаться. Вот химичка, которая вздрагивает от любого шороха и кричит на уроках –

кто причина её бессильного гнева, ученики или тень Врага? Или тихоня-практикантка с вялым безжизненным голоском, не сделавшая галдевшему классу ни одного замечания за всю четверть – не борьба ли с Врагом обескровила её?

В целом же Ян продолжал жить обычной жизнью. Учился, гулял с одноклассниками, ходил в спортзал. Когда пришло время, он окончил школу и поступил в университет в крупном городе. Под конец лета перебрался в общежитие с небольшим чемоданом вещей. В кармашке под крышкой тихонько обитал заветный копыеносец.

До начала семестра оставалось всего-ничего, и в один из жарких августовских дней Ян отправился в главный корпус университета за расписанием. Обходя этажи, он останавливался посреди прохладных коридоров и представлял себе грядущее. Гадал, что стоит за названиями предметов, сложно ли будет сдать первую сессию. Разглядывал стенды с плакатами. Смутными и спутанными витками разворачивалась перед ним новая жизнь. Из-за яркого, пронзительно синего неба казалось, что впереди может случиться только счастье, щедро рассыпанное по неизведанным путям.

Что бы ни ждало его впереди, но как раньше – уже не будет.

Мысль заставила Яна зябко вздрогнуть. Он отошёл от стендов. Вспомнилось прощание на перроне с мамой. Теперь он долго не увидит ни её, ни родного района, да и заботиться о себе придётся самому... Но зато сколько открывается

нового! Сколько возможностей! Видно, перемены не всегда губительны; нет, зёрнышко погибает только для того, чтобы дать жизнь ростку. Это понимание засияло в нём ясно, как солнце, и Ян понял, что Врагу его уж точно теперь никогда не достать.

«Ошибаешься...»

Знакомая плотная тень коснулась Яна. Как будто солнечное затмение случилось у него в сердце. Нет, не может быть! После стольких лет!

«Каждый принадлежит Мне, и каждого погложу в своё время, ибо со Мной сама Смерть».

Но даже в затмении солнечная корона продолжает сиять, и тень всегда отступает. В эту мрачную минуту Ян вдруг ощутил простую и прозрачную идею: а если бы ему дано было побить Врага в схватке, настоящей прямой схватке, пожертвовал бы он своим безоблачным до синевы грядущим?

Да, ответил он на этот залётный помысел и мельком глянул на своё отражение в застеклённом стенде, вспомнив друга-Воина. Да.

Тогда он вдруг вспомнил про метро. Ну конечно, в городе есть метро, а он до сих пор не побывал там. Разве он трус? Ребята из общаги, вон, уже все станции объездили и ему тоже советовали поглазеть... Вскоре Ян уже шагал к подземке, ни о чём больше не задумываясь.

Уже внизу он понял, что время выбрал не самое удачное. Был час пик, толпа теснила его и рассмотреть толком зал было невозможно. Ян позволил людскому потоку отогнать себя поближе к перрону. Там он решил дожидаться поезда, а пока от нечего делать стал разглядывать людей. У самой кромки перрона он заметил человека неопределённого возраста. Этот жердяй в широком засаленном пальто казался то ли больным, то ли пьяным: он пошатывался, перебирал узкими плечами и лихорадочно оглядывался кругом. Привычка гадать о том, как Враг повлиял на очередную несчастную жертву, заставила Яна всмотреться пристальнее.

Потому-то он первым ощутил угрозу, когда долговязый засунул руку глубоко под пальто и тяжело потянул. Расталкивая людей, Ян кинулся вперёд. Знакомая, зловещая чёрная дыра разверзлась впереди – холодное дуло калаша.

«Я тебя вижу», – говорил Враг.

«Зато я тоже вижу тебя», – ответил Ян мысленно.

– Порешу! – взвизгнул человек в пальто. Оружие заплясало в его руках, дуло повелось из стороны в сторону и выстрелило куда-то над головами. Раздались вскрики, толпа опрынула и рассыпалась, но – слишком медленно! Человек попытался ударить Яна прикладом, но не рассчитал, что неожиданная помеха может вцепиться прямо в оружие. Ян ухватился за разогретый ствол, больно оцарапав палец мушкой, и не давал опустить дуло, теперь глядевшее в потолок. Долговязый

зый опешил и дёрнул назад, однако Ян держал крепко, ведь сейчас до боли в костяшках сжимал он самого Врага. Вокруг кричали, слышен был топот, но Ян не оглядывался. Не смотрел даже в лицо человека в пальто. Он видел только чёрный глаз противника, и неважно было, в чьих руках этот противник возник. К шуму примешивался и другой звук, всё более близкий: подходил поезд. Сейчас тут окажется ещё больше людей... Ян рванул оружие на себя.

– Пулю на тебя тратить, крыса мусорская! – истерично рявкнул долговязый. Тряхнул стволом и вдруг ударил кулаком Яна в живот. Удар вышиб дыхание, и Ян полетел с перрона на рельсы, вниз, вниз, в железо, в оглушительный шум... В оскаленную пасть. Но автомат тоже выскользнул из дрожащей ладони убийцы, и теперь обеими руками Ян стискивал металлическую морду Врага, чтобы тот уже никому не мог причинить зла.

Через тысячу лет шум исчез, как страшный сон. Ян открыл глаза и взглянул на руки. Они оказались пусты. Царапины на пальце не было.

Он стоял посреди зелёного поля. Ни одной увядшей травинки. Кто-то шёл к нему, кто-то с копьём и щитом. С глубокими спокойными глазами. Вот его взгляд пал на Яна – и воин приветственно вскинул щит:

– Здравствуй, друг!

Канарейка пакует чемоданы

Школа поутру напоминала огромное галдящее гнездо. Леона влюбилась в этот звук тридцать лет назад и даже сегодня ловила его жадно, как воздух. Почти против воли. Она съезжилась за тонированными стёклами старенькой «королевы», чтобы не видеть старинные стены из пёстрого кирпича. Сперва они стали родными, а потом предали её.

Сердце колотилось острыми ударами, как одинокий стеклянный шарик в жестяной банке. Когда-то весь школьный двор был в этих разноцветных шариках, дети гоняли их щелчками по выбоинам... Тук-тук, но больше – nevermore – никогда!

Ладно, ладно. Тише, сердечко. Сегодня надо разделаться с самым неприятным. Дальше останется только хорошенько всё собрать и аккуратно уложить.

У ворот показалась Марианна в своём обычном салатом пиджаке. Всё пытается выглядеть строгой, всё зачёсывает свои пергидрольные кудряшки и запудривает морщины. И всё без толку, потому что она такая же растяпа и хохотушка, как Леона в недавнем прошлом, и даже яркий костюм стала носить вслед за ней. Чутьочку меньше отдаётся работе, вот и вся разница. Может, именно потому, что пытается казаться кем-то другим: на уроках мечется от поблажек до придирок и вечно боится дать слишком сложные тесты. Мало что так

выматывает, как боязливость.

И всё же эта беззаботная тётушка справится с тем грузом, который передаст ей Леона. Слишком любит детей.

Леона вышла из машины и помахала коллеге:

– Марианна, дорогая, здравствуй. Помнишь, ты просила у меня планы уроков и тесты? Я наконец-то нашла время привести их в порядок.

– Ой, как здорово, милая! – просияла Марианна, подходя к ней. – Ты так поспешно исчезла... Что с тобой случилось? Всё будет хорошо? Идём в наш кабинет, поболтаем хоть пять минут.

– Извини, но внутрь я больше ни ногой, – Леона натянуто улыбнулась и поспешно наклонилась к машине, где на сидении лежала папка бумаг. – Вот. Тут всё написано. – Она вытащила несколько распечаток. – Так, смотри, все материалы для уроков на флешке, она тоже в папке, а это... Это петиция. Отнеси сначала к директору. Надо будет, чтобы все наши прочитали и оставили подписи. Прямо сегодня. Затем пусть кто-то передаст это в мэрию. И по одной копии – в местные газеты. Справишься? Это действительно срочно. Я знаю, больница тоже подаст отчёт, но огласка всё ускорит.

– Да, – выдохнула Марианна, пробегая глазами листки. – Это действительно срочно. Но, Леона, как...

– Вот так, – развела она руками. – Ладно, давай без этих долгих скорбей. Уверена, что многое можно исправить. Возлагаю это на тебя! – Леона сделала шуточный жест: мол, ко-

роную тебя на царство. – Да, кстати, на флешке ещё есть логин и пароль от моей школьной почты. Отдашь их нашему следующему физику, сама тоже можешь глянуть. Так будет проще всего передать дела. Я там немного рассортировала переписки... В общем, кладезь опыта.

– Леона... – Марианна подняла мокрые глаза. – А вот этот последний листок – это что? Это – ты?

– Заключение врача, да. Приложишь к петиции. Ну не убивайся ты так, хватит и того, что я, э-э, немножко убилась! – Леона усмехнулась на этот раз совершенно искренне. Но Марианна, конечно, не нашла это смешным и заплакала уже в полную силу.

– Ну что ты такое говори-ишь... Ох, Леона, ты всегда была такой, такой... Не как нормальные люди, ох, извини пожалуйста, я не это хотела...

– Такой, как канарейка в шахте. – Она снова попыталась сострить. Но это только вызвало новую бурю всхлипов.

– Леона, милая, прости меня за всё-о... Пожалуйста, обещаю, что ты приложишь все усилия. Пожалуйста, очень тебя прошу, ты нам так нужна. – Марианна схватила её за плечи и жалобно взглянула снизу вверх. – Ты незаменима! Томас просто не в состоянии организовать всё как следует, и он совершенно не пробивной. Да и я – сама знаешь. Вот с тобой детям весело, всегда у твоих питомцев призы по естественным наукам, и все эти хорошие характеристики... То есть я не хочу сказать, – она осеклась. – Дело совсем не в работе.

Хотя школе, конечно, придётся туго. В голове не укладывается.

– Школе сейчас в любом случае придётся туго, – заметила Леона с горечью, представив, как ремонтники разносят перекрытия здания. – Но за естествознание не волнуйся. Я уж позабочусь о том, чтобы мой опыт не пропал просто так. Ладно. Ты разбирайся, а я уже, пожалуй, поеду. Извини, что всё так поспешно. Я тебе пришлю все-все наши старые фотки, обещаю. Пока-пока.

Вчера, готовя эти документы, Леона до вечера сидела за ноутбуком с пачкой сендвичей. Когда поднялась из-за стола, то едва сумела размять затёкшую спину. Давно она так не работала... Дышалось даже тяжелее обычного, сдавливало виски. Но поющая внутри струна подсказывала: она справится. Нужно только не потерять ритм.

Мезотелиома лёгких не появляется просто так. Причина однозначна: асбест. Прогноз однозначен: неизлечимо.

Асбест десятилетиями незримо соседствовал с населением старинных филиадейльфильских школ. Во время капитальных ремонтов его потревожили, и он отплатил с лихвой. Никто об этом не знал, не проводил замеров. Если бы Леона не заболела, кто знает, когда вскрылось бы! Тогда, во вра-

чебном кабинете, она тоже пошутила про канарейку в шахте. Вместо ответа доктор с сомнением покачал головой и предложил успокоительных капель. Предложил лечь в больницу, как можно скорее. Дал памятку-список: какие вещи нужно собрать.

Леона поблагодарила, взяла этот листок и вышла из корпуса с твёрдым намерением вернуться сюда только на носилках. Изнурительной долгой химиотерапией можно выгадать несколько месяцев бонусом к оставшемуся полугодью. Обменять короткий остаток жизни на уменьшение болей. Он не так сказал, этот добрый накрахмаленный доктор, он выдерживал заботливый, оптимистичный тон. Только вот смысл от тона не меняется.

Зубная щётка, тапочки... Какая скука! Ей нужно собрать совсем другое.

Нужно просто сделать большую уборку. В ритме танца, как в юности: она ставила на полную громкость кассетник и вприпрыжку бегала по комнате, рассовывая разбросанные вещи по коробкам и полкам.

Потом, не сбавляя темпа, таким же лёгким вальсом умчаться из дома прочь.

Леона припарковалась за пару кварталов до канала. В голове всё крутились оброненные Марианной слова: «Ты всегда была такой...». Странной, не так ли? Да, удивление, неожиданность – вот, что она приносила с собой, куда бы ни шла. Техническая специальность, блестящее будущее – и вдруг учитель; дочь итальянских эмигрантов – и вдруг физика, но вместе с тем, конечно же, и живопись, и театр. Она всегда добавляла в опыты по естествознанию капельку искусства и метафоры. Логичная, цепкая – и тут же религиозность, да не обычная, а восточной традиции. Здесь, у набережной, зажатый деловитыми двухэтажками, ещё с девятнадцатого века жил храм русских моряков.

Вечером она придёт туда в последний раз. А пока – стоит прогуляться. Один день подарить себе.

Она медленно шагала по любимым местам – аллея, площадь, бронзовый индеец с бизоном – и вбирала знакомые впечатления. Разглаживала до ясности и паковала в память, как будто можно было взять их с собой. Одышка мешала, и Леона остановилась перевести дух возле памятника сбитому самолёту: настоящий аппарат, врезавшийся в землю. Металл избит и перекошен страшным ударом, настоящий труп – но странным образом целое стекло. За ним, внутри – крошечная оранжерея. Символично. В школьной оранжерее она как-то раз пошутила с классом, мол, вы поливаете растения, а я – вас...

Река куда-то путешествовала. Уходила вдаль, как уходит

железнодорожное полотно. Закатные блики отпечатывались на водном тракте, словно следы быстрых ног небесного вестника.

Леона пробыла в храме допоздна и вышла уже в медленные весенние сумерки. Вечерние тучи стекали вниз по стеклянным бокам высоток. Чайка расчертила небо острым полумесяцем крыл и растаяла.

Пора прощаться, река.

В ту ночь ей снилось, будто бы она приехала к родителям в пригород. От дощатых подмостков маленькой станции тропинка уходила в поля и терялась в колосьях. Они никогда не жили в таком месте, но сон убеждал в обратном. Будто бы только этот грядущий дом, затерянный в зелёном бездорожье, и был настоящим, до сих пор же всё – сон.

Каждое утро она слегка разминалась и надевала любимый охряной костюм, больше не опасаясь его помять. Завтракала обязательно с зелёным чаем, на перекус – орехи и сухофрукты, а к обеду заказывала доставку. Денег нечего было жалеть. Она отправляется налегке. Время дороже, время – бесценно.

Над её рабочим столом теперь висело самодельное расписание – рисунки цветных чемоданчиков, подписанные оставшимися делами: «Занимательное естествознание», «Меха-

ника для малышей (настольная игра)», «Как правильно уважать личность учащегося», «Заверить завещ. для племяшки»... По этим чемоданчикам она разложит всё, что приходило ей в голову за обеденным кофе и на прогулках, и до чего всю жизнь не доходили руки.

Она воплотит свою незаменимость и раздаст. Ибо чем больше раздаёшь, тем больше забираешь с собой.

Окружив себя блокнотами, цветными маркерами, старыми ксерокопиями она из груды беспорядочных идей вытаскивала нужные. Освежала в памяти, складывала в аккуратные наброски и списки. Потом долго набирала тексты и рисовала схемы-плакаты в программе для презентаций – вот это уже была рутина, пожиравшая драгоценные часы, но выхода не было. Несмотря на весеннюю прохладу, она обливалась потом.

Готовые файлы Леона скидывала на ту самую почту, доступ к которой отдала Марианне, и на свою страницу в соцсети – бери, кто хочет. Лишь изредка просматривала комментарии. Её обращение, подписанное затем другими учителями, натворило-таки шуму. Теперь какие-то незнакомые имена спешили подарить ей сочувствие и признательность, а раз проскользнула даже просьба об интервью. Леона сгребала леденцовую сладость благодарностей в горсть, не разглядывая. Во время сборов нельзя слишком долго вертеть в руках сентиментальные мелочи, иначе не успеешь закончить.

Ей долго удавалось не пускать внутрь горе. Радость работы отгоняла страх. «Зато я наконец-то могу посвятить всё время своим идеям», – утешала она себя, стоило появиться ненужной хандре. Сосредоточенность пела в Леоне струной. Но прошёл месяц, и хриплое болезненное дыхание начало заглушать этот звон, головная боль уничтожала ясность мысли. Ну почему она не занималась хотя бы «Механикой», пока всё было хорошо?

Блистательная старушка Делавер, хоть бы ещё разок взглянуть на твои волны из окна торгового центра – с верхнего этажа, где дешёвое кафе, и чтоб на тарелке лежало вдоволь пирожных. Хоть бы ещё раз услышать хоровое «Ва-ау» после миниатюрного настольного взрыва, поймать удивлённый восторг в глазах ребёнка из гетто – у него первая в жизни «Б» за эссе... Но всё это у Леоны уже случилось, а значит – пора, пора!

Она потянулась мышкой к ярлычку почты, чтобы сбросить, как обычно, сделанное за день. Курсор дрожал. Неужели – скоро? Испуг ударил, словно ток. «Тише, сердечко, некогда!». Наконец открылся рабочий ящик – над её архивами темнело новое письмо.

Томас? Ну надо же. Замкнутый математик старших классов, похожий на невесёлого Стэнли Кубрика. Из него обыч-

но слова не вытянешь.

«Уважаемая коллега,

проработанность ваших мануалов поражает. Польщён работать в одном учреждении с человеком вашего уровня вдумчивости. Уведомляю вас, что школу на данный момент распустили, студенты пребывают на домашнем обучении, а следовательно, я располагаю временем, равно как и другие преподаватели. Поэтому вы можете поступиться тщательностью оформления и форматирования материалов. Готов взять на себя доработку и подготовку ваших черновиков. Любой работой можно поделиться, вы понимаете.»

Тоска по прежней жизни вдруг захлестнула Леону неумолимой волной. Два месяца ни с кем не виделась, не делила часы ланча и не беседовала по душам. Ужас. «Один ты пришел в этот мир и один уйдешь».

Она встала из-за стола. Голова кружилась от неизбежной нехватки кислорода и почему-то было тяжело в боку.

Родной маленький кабинет с балконом, белые стены, карминово-шафранный плед на кресле – гнёздышко. Ветер шевелит занавески, золочёные от солнца, лучи изящно перебирают корешки книг – эти отписаны школьной библиотеке, а дом отойдёт далёкой племяннице из Бостона, а солнце останется само себе, когда закончится всё, всё.

Конец – что это такое? Аритмичное удушье сжало рёбра. Чёрный тоннель. Будет ли за ним что-то, нет ли, верь или не

верь – но чернота неумолима, она обдерёт до нитки. Только бы успеть всё раздать, только бы ничего не пропало втуне...

– Я не хочу уходить, – сказала Леона вслух. Со словами выплеснулся хриплый стон. «Не хочу терять, не хочу расставаться, не хочу проходить через игольное ушко, не желаю, чтоб всё пережитое и придуманное сгорело, не доставшись никому». Она протянула руки к свету, будто надеялась поймать фотоны и напихать полные карманы закатной пылицы. И тут, вопреки законам физики, свет ответил.

– Не расставание. Встреча.

Голос, но бесплотный, беззвучный. Живой смысл пронёсся по лучу, потрепал Леону по щеке и растворился в солнечных зайчиках.

Она ещё не успела ничего понять, как позади звякнул сигнал нового сообщения. Слегка ошарашенная, Леона вернулась к экрану.

«Почему?»

Леона, я всё думаю, как такое могло случиться. Если есть высшая справедливость, отчего должны умирать замечательные люди. Профессионалы, от которых зависят сотни жизней. Неужели этой высшей силе не жаль хотя бы их. Для чего она допускает это. Томас.»

Голова снова была ясной. Леона усмехнулась: разьяснять ей всегда было в радость. Пусть даже она сама поняла верный

ответ только сейчас.

«Здравствуй, Томас! Конечно же, для того, чтобы верным друзьям профессионалов пришлось перенимать опыт и разбирать сканированные черновики. Ты же окажешь мне такую услугу, раз предложил помощь? Это будет настоящим спасением, их слишком долго перерисовывать.

Так вот, о спасении. Скажи, ради чего гибнет канарейка в шахте? Разве не достаточно будет ей пропеть разок-другой? Представь себе: маленькая птаха щебечет посреди грохота забоя. Скачет, пищит. Кто заметит её? Нет, к сожалению, чтобы другие жили – хоть одна канарейка должна умереть.

Жди сканов к вечеру, рассчитываю на тебя.»

Сколько ещё людей задаётся тем же вопросом? Немного подумав, она скопировала текст, там-сям обрезала и кинула в ленту фейсбука. Так в реку швыряют монетку.

«Вот и ещё одна маленькая сумочка собрана», – довольно прошептала Леона и закрыла ноутбук. Пока что ей предстояло долгое путешествие на кухню за свежей чашкой чая.

Она сидела перед заварником в сонном ожидании, потихоньку забывая, зачем пришла, и тут раздался звонок в дверь. Оказалось – соседка.

– Здравствуйте, я прослышала про ваш случай, пришла вот вас поддержать, – полузнакомая женщина ставила на пол

прихожей корзинку фруктов, а Леона пыталась вспомнить, что это за человек-то такой. – Пожалуйста, держитесь, оставайтесь сильной! Мы все вас очень любим, весь район только о вас и говорит...

Ваза. Точно.

Золочёная вазочка под древний Китай, один из памятных ученических подарков. Очень понравилась этой соседке, когда та забегала на Рождество. Леона протопала на кухню и сняла фарфоровую красавицу с полки. Вручила растерявшейся гостье.

– Не волнуйтесь! Забирайте! Я – как бы вам сказать? – в настоящее время пакую вещи. Буду только счастлива, если и эта вещичка найдёт свой уголок.

– Вы... переезжаете? О, поняла! – обрадовалась женщина. – Какой-нибудь курорт? Смена климата должна благотворно повлиять, не так ли?

– Да, да. Смена климата. Именно она.

Закрыв за ней дверь, Леона хрипло засмеялась, будто над удачной шалостью, и слёзы выступили на глазах только когда смех перешёл в кашель.

Пошатываясь, она пошла наверх, к сканеру, к своим недособраным идеям, к развевающимся шторам, впускающим солнечные брызги. Теперь она была уверена, что всё делает правильно.

Теперь она знала, что её последний сон будет похож на те длинные детские сновидения, в которых был только покой, осенённый мерцанием луговых цветов в густом неслепящем свете нездешнего дня.

А потом он перестанет быть сном.

Ветвится

Двое сидят в вагоне друг напротив друга. На столике между ними – кажется, поле для настольной игры.

Окно закрыто – но занавески чуть колышутся, как будто не перестаёт течение воздуха.

Один – лет тридцати на вид или чуть больше, одет неброско. На лице – безмятежное удовольствие. Такое бывает у туристов, едущих на курорт. Второй лишён печати возраста. На нём униформа, ни пятнышка. Проводник? Руки в белых перчатках лежат на столе. Он делает жест. На поле вспыхивает точка. Другая, третья, ещё, ещё...

Точки, связанные путями. На некоторых дремлют фишки. Но где же кубики? Не видать. Вот белый снова двинул пальцами – от одной из фишек побежал синий огонёк, зажгёт сле-

дующую точку и замер. Следом протянулась линия, ветвь. Сразу видно, живая: горит тем же синим.

Свечением линий расцветает на поле дерево, неторопливыми букашками ползут по нему фишки.

– Вот здесь ты хорошо увернулся. Многие срезались в те годы именно на зависти: одни жаждали приобретать, другие, более чувствительные, горько обвиняли первых. – Белый перебирает пальцами воздух, одна из ветвей наливаются силой, остальные приглушены. Пассажир с любопытством разглядывает поле.

– Не помню... А! Так я занят был до какой степени, мне вообще было не до того, чтоб на других оглядываться. Сейчас даже вспомнить удивительно. – Он откидывается на спинку сидения, прикрывая глаза на глубоком вдохе.

– Казалось бы, что такое спешка? А тогда она меня поглощала, небо с овчинку казалось. Выходит, это было хорошим путём? Я тогда переживал ещё, что всё наоборот – по ощущениям душу будто в трясиину засасывало.

Проводник одобрительно кивает:

– Да, это был неплохой путь! Вспомни, что тебя так за-

грузило: ты подыскивал себе в работники людей бедных, но талантливых, выписывал им больничные, вёл документы почестному. Масса отчётов, проверок, но при всём этом ты не забывал подавать нам весточку каждый день.

Он щёлкает пальцами. Фишки вздрагивают, бегут по ветвям – а те всё длиннее, всё больше дорожек мерцает над столом. Тот, который похож на туриста, протягивает руку, осторожно ведёт пальцем вдоль одной из них.

– Как много вариантов... Уму непостижимо! О, вот тут, – палец сворачивает на развилке, – вот тут на нас наехали бандиты. Не знаю, как я тогда удержался на верном пути. Готов был проклинать всё живое! Без шуток, каждую минуту желал бы им мучительной смерти, если бы не последняя крупинца веры. Знаешь, ровно и верно ходить по жизни – всё равно, что по канату шагать. Так вот, – пассажир коротко смеётся, – в те дни канат ещё и обледенел.

– Понимаю, – кивает проводник. Руки сложены на столе: ни постукивания пальцев, ни потирания ладоней. Белое безмолвие рук. Так сидят те, кто завершил работу и не скоро возьмётся за новую.

– Ну, так оно и тянулось ни шатко, ни валко. Гнев мне приходит – я от него в дела, в переговоры, в болтовню, в мо-

литву, куда угодно, лишь бы не душиться им. Заявления писал... Денег потеряли тучу, но сами живы остались. – С полминуты пассажир молчит. – Всегда любопытно было, а если б поддался? Если бы всё то же самое делал, но клял злодеев напрапалую? Всего-навсего мысли...

– Хочешь посмотреть? Хорошо.

Взмах – фишка откатывается, чтобы поползти по другой ветке. Прочие кругляшки нехотя за ней тянутся на ту сторону дерева, которая в ответ на движение загорается красным, гася прочие ответвления.

– Всего-навсего мысли, – озадачено повторяет пассажир. – Но почему они длятся? Ситуация давно изменилась, а я... Ого! Чего это я? Да как только язык повернулся лапушку мою обидеть. А дальше-то, дальше! Чисто зверь дикий.

Одна за одной разбегаются фишки по мелким, как у берёзы, веточкам, и только единственная тяжело ползёт дальше, забирая по изогнутой линии, что ведёт уже не в крону, а вниз. Та самая, за которой так пристально следит пассажир. Когда она останавливается, проводник отгоняет её обратно к развилке, словно непослушную овцу.

– Хотя здесь твой путь не стал особо короче, но приятным

его назвать трудно, как видишь.

– Фу-ты, ну-ты. – Пассажир шумно выдыхает, проводит ладонью по лицу, словно отгоняя тень. – Не думал, что я могу так выглядеть. Знаешь, что страшно? Похоже, в этом варианте я бы так и не понял, насколько сильно изменился.

Он откидывается на спинку сидения. Вдыхает ветерок глубоко, будто содовую потягивает.

– Хорошо... – говорит путник наконец. – Хорошо, что всё закончилось. Главное, что билет не потерял. Скоро будем дома, да?

Проводник кивает, не тая улыбки. Разноцветное свечение дерева всё не гаснет.

– Дома здорово! Всё, что приходилось удерживать в руках, едва не расплёскивая на бегу, там течёт полной рекой, – рассуждает путник. Он достаёт из кармана маленький отрывной билетик, глядит на просвет, отчего тонкая бумага перламутрово лучится. Затем, отвлекшись, вновь принимается изучать древо вариантов.

– Слу-ушай. Но ведь если вот этот путь был верным, а тот, красный, гибельным, то что значат остальные тропинки от развилки? Вот ещё одна, третья, а от неё целый пучок вет-

ВИТСЯ...

Улыбка проводника становится по-детски озорной.

– Рад, что ты спросил.

Он тут же начинает вести фишку на новый, неизведанный путь. Пассажир подаётся вперёд, навстречу сполохам над столиком.

– Значит, «молитесь за врагов ваших»... Ну да, вспоминал об этом, но сердце не лежало, а как же молиться, когда сердце не лежит? Я думал – если не чувствуется, то не считается.

– Ты ведь не пробовал – потому и не чувствовал.

– Не поверил, что мне ответят, – кивает пассажир.

Прочие фишки то догоняют, то разбегаются в стороны от лазурного огонька, откуда-то берутся всё новые и новые. Проводник раскидывает руки – шире разрастается дерево, подымается над столом до самого потолка вагона, чтобы всем подвижным крупинкам света хватило места на нём.

– Такая малость привела бы к таким обширным последствиям, – в восторге шепчет пассажир. – Тут есть совсем незнакомые мне люди! Эта ветка полна жизни, а возможностей сколько!

– Потому что именно в ней ты призывал Духа Жизни, – кивает его собеседник. – А вот и банда, которая вас донима-

ла!

В отдалении, ближе к концу, на собственных тонких веточках приютилось несколько неярких точек.

– Выходит, спустя столько лет та маленькая молитва их достигла. Подумать только! Для скольких людей всё сложилось бы иначе... И для меня? – Он вновь повторяет, указывая на одно из переломных мест во сплетении ветвей, уже сказанные слова:

– Не думал, что я могу так выглядеть.

Но на сей раз голос пассажира не печален – восхищён.

– А этот маршрут? А вон тот? – расспрашивает он у своего проводника, и тот охотно ему отвечает.

Двое теснее склоняются над полем светящихся разветвлений дорог. Им некуда спешить. В назначенный час вагон тронется с места, и поезд по маршруту «Скрытое – Явное» отправится в путь.